

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

30-летие Великой Победы

Две конституции КНР

Полвека советско-японских дипломатических отношений

Буржуазные ученые и маоизм

Дуньхуанские рукописи

Идеология левого радикализма в Японии

2

1975

0

Институт Дальнего Востока АН СССР

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

Русский писатель В. Ерошенко — друг Лу Синя

P. C. Белоусов

Среди имен русских путешественников и исследователей, изучавших страны Востока и много сделавших для развития дружеских отношений с их народами, нельзя не назвать и имя писателя Василия Яковлевича Ерошенко (1890—1952) — фигуры примечательной и своеобразной.

Этого слепого человека до сих пор помнят в странах Дальнего Востока, где он прожил несколько лет. И сегодня здесь проявляют интерес к личности и произведениям русского писателя, появляются посвященные ему публикации. Сравнительно недавно в Японии (издательство «Мисудзу сёбоз») вышло в свет полное собрание сочинений В. Ерошенко в трех томах. В разное время публиковались воспоминания о нем видных деятелей культуры. В 1972 г. появился биографический очерк о В. Ерошенко, написанный известной писательницей Хирабаяси Тайко¹. О том, что интерес к В. Ерошенко сохраняется в Японии и по сей день, свидетельствуют и работы профессора Каваками Кюдзю. Так, его статья «Поздние годы Ерошенко» была опубликована в 1969 г.². И сегодня японская печать продолжает время от времени писать о В. Ерошенко, выходят сборники его произведений, его имя можно встретить в газетах и журналах, в частности на страницах газеты «Акахата»³.

В то же время жизнь и творчество этого русского самобытного писателя еще недавно оставались малоизвестными нашему читателю. Начало знакомству с удивительной судьбой писателя и его творчеством положил сборник «Сердце орла», выпущенный областным белгородским издательством в 1962 г.⁴. Семь лет спустя на украинском языке вышел сборник В. Ерошенко «Цветок Справедливости»⁵, который почти полностью повторил содержание белгородского издания. Имя В. Ерошенко можно встретить сегодня на страницах «Краткой литературной энциклопедии», в библиографическом словаре «Незрячие писатели»⁶.

И все же, несмотря на то что стена забвения вокруг имени В. Ерошенко, можно сказать, разрушена, о нем известно далеко еще не все. Не достаточно освещенными в нашей литературе остаются и творческие связи великого китайского писателя Лу Синя и его русского друга В. Ерошенко — единственного из литераторов нашей страны, с кем он близко был знаком. А между тем изучение отношений этих двух художников слова поможет лучше понять творчество Лу Синя того периода. Ведь встреча их состоялась в ту пору, когда Китай был отгорожен от новой России стеной реакции, когда правда о нашей стране была редким гостем для китайского народа. И как знать, может быть, своей любовью к русской и советской литературе, к Стране Советов Лу Синь в какой-то степени был обязан и этой встрече с В. Ерошенко. Дружба с ним, длившаяся недолго, но отмеченная большой взаимной симпатией двух этих людей, относится как раз к тому времени, когда китайский писатель начал проявлять особый интерес к русской и советской литературе, приступал к осуществлению большой программы по пропаганде книг советских писателей — дела, которое он сравнивал с тайной доставкой оружия восставшим рабам, с добычей людям огня Прометеем.

¹ Хирабаяси Тайко. Миямото Юрико. Токио. «Бунгэй сюндзю», 1972.

² См. «Дзи-ммон кэнрю». Отару, 1969, № 38.

³ См., например, ст.: «Невский и Ерошенко». — «Акахата», 24.I.1963; «Воспоминания о Ерошенко». — «Акахата», 5.V.1973; «Смерть Ерошенко». — «Гундзо», 1962, № 3.

⁴ В. Ерошенко. Сердце орла. Составитель и автор вступительной статьи Р. Белоусов. Белгород, 1962.

⁵ «Цветок справедливости». Киев, 1969 (на укр. яз.).

⁶ Список произведений В. Ерошенко, а также литературы о нем см. в библиографическом словаре «Незрячие деятели науки и культуры». Т. 1. М., 1971, стр. 113—120.

* * *

На рубеже 20-х годов нашего столетия имя Эросиенко или коротко Эро-сан стало широко известным в Японии. Потом о нем узнали и в Китае, где его называли Айло-сянькэ, или господин Айло. Многие годы он был оторван от родины, скитался по свету, жил в Японии и Китае, Сиаме (Таиланде), Бирме, Индии. Здесь он создавал свои произведения на японском языке, который, по отзыву Лу Синя, знал в совершенстве и на котором написано большинство его вещей. Бывал он и в Европе. Учился в лондонском Королевском колледже для слепых, на правах вольнослушателя посещал Сорбонну, Геттингенский университет, читал лекции в Токийском и Пекинском университетах, работал в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Он проходил свои университеты, странствуя по Юго-Восточной Азии, в беседах с такими выдающимися личностями, как П. Кропоткин и Сэн Катаяма, Лу Синь и Рабиндранат Тагор, Альберт Эйнштейн и Берtrand Рассел.

В Японию В. Ерошенко приехал в 1914 г. с тем, чтобы ознакомиться с делом обучения слепых в этой стране, для этого еще до отъезда в Москве он начал изучать японский язык. В сентябре В. Ерошенко становится учащимся Токийской школы для слепых.

Вскоре В. Ерошенко сходится со многими молодыми литераторами, людьми, настроенными революционно. В том числе с Сакай Тосихико, журналистом и переводчиком, сыгравшим исключительную роль в распространении идей марксизма в Японии.

Дружеские отношения у него складываются с Акита Удзяку — известным уже тогда драматургом, с журналисткой Комитика Итико⁷, с видными художниками Накамура Цунэ, Цурута Горо, Такэхиса Юмэдзи, с Катагами Нобуру — основателем отделения русского языка и литературы при университете Васэда, и многими другими.

Надо отметить, что политические взгляды приехавшего в Японию двадцатипятилетнего В. Ерошенко не отличались определенностью. Скорее про них можно сказать, что они были стихийно-революционными. И прав был, пожалуй, Акита Удзяку, когда назвал своего юного русского друга «революционером по натуре», мечтавшим видеть всех людей свободными и счастливыми.

Некоторые называли его анархистом. Быть может, потому, что В. Ерошенко в Англии в 1912 г. встречался с русским революционером П. А. Кропоткиным, которым многие увлекались в тогдашней Японии, как, впрочем, и в Китае. «Анархизм Кропоткина, — пишет Сигэки Сэнума, — пользовался в Японии такой же популярностью, как и учение Толстого о непротивлении злу»⁸. И далее: «японские литераторы жадно впитывали идеи Кропоткина и Бакунина»⁹. В тот период, когда коммунистическая партия еще не была создана, в значительной мере преобладал «социализм чувства», теоретическая незрелость искупалась высоким энтузиазмом. Не удивительно, что человек, лично видевшего самого Кропоткина — кумира многих, воспринимали не иначе, как его последователя.

Труды П. А. Кропоткина: «Записки революционера», «Обращение к молодежи» и другие — на японский язык перевел Осуги Сакаэ — один из «самоотверженных представителей демократического поколения революционеров», способствовавший развитию социалистической мысли Японии¹⁰. Благодаря ему японцы познакомились с трудами М. А. Бакунина, максимализм которого был ему особенно по душе.

Нет сомнения, что В. Ерошенко был близок с Осуги. Познакомиться они могли в доме Комитика Итико, где оба часто бывали. Здесь, по ее словам, В. Ерошенко прошел хорошую школу, поскольку к ней часто приходили рабочие для бесед и дискуссий. Одно время, как свидетельствует Хирабаяси Тайко, русский писатель находился под влиянием Такацу Масамити (с которым также был хорошо знаком) — тогда анархистом, позже одним из организаторов общества «Гёминкай». Однако, пишет далее Хирабаяси Тайко, В. Ерошенко был далек от идей анархизма, на него вообще не следует смотреть «как на истинного анархиста, хотя на их митингах он часто подавал реплики, затевал споры об устройстве будущего общества»¹¹.

Когда Осуги собрался в Берлин на всемирный конгресс анархистов, он решил отправиться туда, выдав себя за китайца. Деньги на поездку дал разделявший его взгляды писатель Арисима Такэо. Но, кроме денег, требовались соответствующие документы. Решено было добыть их в Китае. Осуги вспомнил, что там живет его старый знакомый Василий Ерошенко, и рассчитывал на его помощь. В Пекин от Осуги выехал посланец, который встретился с В. Ерошенко¹².

⁷ Комитика Итико — тогда журналистка, впоследствии — депутат Верхней палаты Японского парламента от Социалистической партии.

⁸ Сигэки Сэнума. Влияние русской литературы на японскую. — «Japan Quarterly». Токио, 1960, № 3.

⁹ Там же.

¹⁰ Г. Д. Иванова. Дело об оскорблении трона. М., 1972, стр. 170.

¹¹ Хирабаяси Тайко. Миямото Юрико. Токио, 1972, стр. 31, 47.

¹² «Ля Мовадо», 1971, № 250 (на японск. яз.).

С Осуги Сакаэ были связаны и многие из окружения В. Ерошенко — в том числе писатель, впоследствии коммунист Эгуди Киёси — тогда приятель Осуги, написавший биографию революционера; Комитика Итико, пережившая из-за любви к нему глубокую личную драму; известные литераторы Акита Удзяку, Арисима Такэо, Фудзимори Сэйкити и другие.

Как справедливо заметил еще Эгуди Киёси, взгляды В. Ерошенко сформировались под влиянием той обстановки, в которой он оказался в Японии.

В те времена, по словам выдающегося деятеля Коммунистической партии Японии Сэн Катаяма, вследствие того, что социалисты еще не стояли на твердых идеологических позициях, они легко поддавались чуждым влияниям¹³. В пленау различных течений и направлений оказались и многие интеллигенты, не способные преодолеть свою классовую ограниченность. Искавшие новые пути обновления общества, они подчас бросались из одной крайности в другую: от идей Французской революции к русскому нигилизму, бехаизму у них сливалась с толстовством, народничество с анархизмом, на смену пацифизму приходило увлечение эсперантизмом. Сказывалось преобладание мелкобуржуазной стихии, незрелость рабочего движения, живучесть старых форм национальной идеологии. Все это мешало в тот период японским социалистам, многие из которых принадлежали к интеллигенции, «подняться до применения марксизма к японской действительности»¹⁴.

Оказался в пленау этих увлечений и В. Ерошенко. Вместе со своими новыми японскими друзьями русский писатель на время становится приверженцем бабидского движения, а точнее говоря, бехаизма — того, во что вылилось это движение в XX в., содержавшее вначале революционно-демократические элементы.

В бехаизме, однако, В. Ерошенко привлекала не его реакционная, мистическая сторона, а призывы к равенству, к дружбе, требование запретить войны. То, чем поначалу привлекло это учение, скажем, и Л. Толстого: несколько наивной программой социального равенства, проповедью абстрактной любви к ближнему.

Сказывалась на взглядах В. Ерошенко и та антивоенная пропаганда, которую вело революционное крыло социалистов Японии — в начале века Котоку Сюсуй, а позже Сэн Катаяма и другие.

Протест против войны, звучавший в японской публицистике и художественной литературе еще со времен русско-японской войны, нередко раздавался и теперь, на рубеже 20-х годов, со страниц японских газет и журналов. Однако у определенной части интеллигенции пагубность войны для рядового человека, несчастья и лишения, которые она несет людям, порождали абстрактно-пацифистские настроения.

Антивоенные настроения в творчестве В. Ерошенко прослеживаются весьма отчетливо. Его мечта о всеобщем мире находит выражение во многих произведениях, в том числе и в своего рода притче «День всеобщего мира». Но если здесь у В. Ерошенко звучат пацифистские нотки, то в статье «Время сеять, а не пожинать плоды»¹⁵, опубликованной весной 1916 г., он осуждает пацифистов, которые «своими действиями не только не смогли предотвратить кровопролитную войну, но не смогли даже сократить ужасающее число жертв»¹⁶.

В другой своей статье, опубликованной тогда же, «Новое веяние в мире»¹⁷, писатель говорил, что нет ничего лучше, чем «идеи дружбы всего человечества и мира на всей земле».

Дебют В. Ерошенко как литератора состоялся в январе 1916 г.: в журнале «Кибо» был помещен «Рассказ бумажного фонарика», написанный автором по-японски после полутора лет пребывания в стране.

Летом того же года журнал «Васэда бунгаку» помещает его статью «Женские образы в современной русской литературе».

На эту же тему он выступает с лекциями. Читал он их, главным образом, перед молодежной аудиторией. Так было в Японии, а потом и в Китае. Темой для выступлений Ерошенко избирал новейшую русскую литературу или русские народные песни. Выступал в аудиториях Токийского университета, в университете Васэда и других. В сфере его внимания были произведения, близкие его взглядам, в частности творчество Леонида Андреева, в те годы активно переводимого в Японии и в Китае. Переводы эти сопровождались публикацией работ о жизни и творчестве русского писателя. Внес свою лепту в это ознакомление читателей и В. Ерошенко. Его перу принадлежало несколько опубликованных статей. Точнее говоря, публиковались его устные выступления, записанные во время лекций. Статьи эти позже появились в литературных приложениях к шанхайской газете «Миньго жибао» и к пекинской «Чэнь бао»

¹³ Сэн Катаяма. Воспоминания. М., 1964, стр. 542.

¹⁴ См.: Г. Д. Иванова. Дело об оскорблении трона. М., 1972, стр. 60.

¹⁵ В. Ерошенко. Полн. собр. соч. Т. 1. Токио, 1959, стр. 511.

¹⁶ Там же, стр. 495.

¹⁷ Там же.

под заголовками: «Андреев и его пьесы», «Андреев и его символические драмы» и другие¹⁸.

Часто В. Ерошенко выступал и с лекциями на тему: «Женский вопрос в новейшей русской литературе». Свой анализ он строил главным образом на основе разбора драм Л. Андреева «Анфиса» и «Екатерина Ивановна», а также пьесы М. Арцыбашева «Ревность» — писателей, к которым в тот период интерес еще не ослаб.

В том, что В. Ерошенко избрал для лекций именно эту тему, сказалось, несомненно, то, что в Японии и Китае в то время активно обсуждалась проблема эмансипации женщины, ее положение в семье и обществе, вопросы нравственной чистоты, свободы брака. Одна из статей, появившаяся тогда на японском языке, так и называлась «О нравственной чистоте». Позже эта статья¹⁹ была переведена на китайский язык Чжоу Цзо-жэнем, братом Лу Синя, и вызвала цепную реакцию откликов среди видных деятелей культуры. Наиболее активную линию в этом смысле проводил журнал «Синь-циннань». На его страницах были опубликованы статьи «Проблема нравственной чистоты» Ху Ши и «Мой взгляд на целомудрие» Лу Синя и другие²⁰. Особое внимание привлекли в этом смысле выступления Ли Да-чжао, профессора Пекинского университета, в будущем одного из организаторов КПК.

В статье «Проблема ликвидации проституции» он заявлял, что единственный способ кардинального решения проблемы — изменение положения женщины — в полной перестройке общественного строя. Не менее острой являлась эта проблема и для Японии, где законом женщина была лишена прав, в том числе и политических.

В этой атмосфере огромного внимания к женскому вопросу в Японии и Китае, имевшего здесь поистине революционное значение, и родились лекции В. Ерошенко. Писатель как бы вносил свой вклад в это обсуждение, привлекая для этого материал русской действительности.

Особенно его занимали вопросы нравственности и супружеской верности. Вместе с тем он резко осуждал тех, кто, прикрываясь эмансипацией, провозглашал право новой женщины на «свободную любовь». В равной мере выступал и против брака без любви, против рабского, униженного положения женщины в семье. И в этом смысле ему больше импонируют ибсеновская Нора или, скажем, Сацуки Ёко, героиня романа Арисима Такэо «Женщина», написанного в 1919 г., свободно выбирающие жизненный путь, бросая вызов старой морали и условности, чем героини пьес Л. Андреева и М. Арцыбашева, формально остающиеся в буржуазной семье, где жена «является простым орудием производства»²¹.

«Сегодня, — писал В. Ерошенко, — перед женщиной открыто много новых дорог. Женщина, так же как и мужчина, может посвятить себя различным идеалам»²².

С этого времени на протяжении ряда лет сказки и рассказы В. Ерошенко, а также его статьи, регулярно появляются в прогрессивных журналах «Танемаку хито», «Кай-хо», «Варэра», «Кайдзо», «Васэда бунгаку», в газете «Асахи», позже выйдут отдельные сборники его произведений. Эти издания читала вся тогдашняя передовая Япония. И не удивительно, что имя, как его здесь называли, «поэта Ерошенко» стало столь широко известным. В немалой степени этому также способствовала «его пропаганда великой русской революции», сыгравшая, по словам Акита Удзяку, огромную роль в Японии, где русский писатель «был очень популярным человеком... в эпоху непосредственного влияния Великой Октябрьской революции».

* * *

После двух лет пребывания в Японии В. Ерошенко неожиданно покинул гостеприимную Японию ради «неизвестных новых стран». Начались годы странствий по Юго-Восточной Азии: Гонконг, Сингапур, Сиам, Бирма, Индия²³. В июне 1919 г. английские власти, которым в каждом революционно настроенном русском мерещился

¹⁸ См.: М. Е. Шнейдер. В поисках «литературы для жизни». Произведения Леонида Андреева в Китае. — «Изучение китайской литературы в СССР», М., 1973, стр. 215, 231.

¹⁹ См.: «Синь циннань», 1918, т. 4, № 5, стр. 386—394.

²⁰ См.: М. А. Асланова. Женский вопрос на страницах журнала «Синь циннань». — В сб.: «Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1974, стр. 292—293.

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. М., 1966, стр. 94.

²² В. Ерошенко. Полн. собр. соч. Т. 1. Токио, 1959, стр. 500.

²³ Подробнее об этом см. в кн.: В. Ерошенко. Сердце орла. Белгород, 1962, стр. 7—11.

«большевистский агент», высылают с этим ярлыком В. Ерошенко из Индии. Его насилием отправляют туда, откуда он приехал, — в Японию.

За эти годы здесь многое изменилось. Залпы Октября грозным эхом отдавались по всему Востоку, гул орудий «Авроры», сокрушивших русский царизм, докатился и до Страны восходящего солнца.

Япония жила бурной, напряженной политической жизнью. Идеи Октябрьской революции пробудили огромный интерес у интеллигенции и студенческой молодежи к социальным проблемам.

Василий Ерошенко, как и раньше, вновь оказался захваченным водоворотом политической жизни. Тем более, что многие его друзья принимали в ней самое активное участие.

Как писал впоследствии сам В. Ерошенко, он «состоял членом общества по изучению и распространению социализма», был близок с деятелями революционного движения, некоторые из которых стали потом коммунистами, например Такацу Масамити и др. Таким образом, Василий Ерошенко становится участником революционного движения в Японии, его волнуют проблемы, которые были близки тогда японской прогрессивной интеллигенции, он выступает на собраниях социалистов, общества «Гёминкай», участвует в работе II съезда Социалистической лиги, сотрудничает в журнале «Танемаку хито» («Селятель»), принимая, по словам Акита Удзяку, активное участие в его издании. Имя В. Ерошенко упоминается в числе авторов первого номера, среди которых были Анатоль Франс и Анри Барбюс.

В этот период, пишет Хирахаяси Тайко, во взглядах В. Ерошенко происходят дальнейшие перемены. Участие Василия Ерошенко в японском революционном и литературном движении начала 20-х годов определило основные темы и особенности его литературного творчества.

В его сказках и рассказах, написанных на японском языке, в своеобразной форме находили горячую поддержку борьба угнетенных народов Востока, сочувствие их тяжелой доле, их страстному желанию обрести свободу и независимость, человеческие условия существования. В. Ерошенко искренне сочувствовал освободительным устремлениям трудящихся масс Японии, Китая и других стран, где он бывал, их революционным выступлениям против господствующих классов, против политики империалистических стран, поработивших эти народы.

В человеке он видел не только жертву общества, но и того, кто преобразует это общество на началах гуманности и справедливости. Он верил в людей, в таких, каким показан его Великий Принц в сказке «Цветок Справедливости», подобно горьковскому Данко, разорвавший свою грудь и алой кровью окропивший чахлый цветок Справедливости, чтобы он расцвел, принеся людям счастье. В рассказе «Страна Радуги» он описал тяжелую долю японского рабочего, в сердце которого зреет бунт против тех, кто заставляет таких, как он, пролетариев и их семьи страдать. В сказке «Сердце орла» в аллегорической форме отражены бунтарские настроения, характерные для того периода и навеянные, в этом нет сомнения, победой его земляков в России.

Более пятидесяти лет назад Эгти Киёси писал, что мир, в котором живет Ерошенко, «не целиком реальный: это страна прекрасного будущего, утопическая свободная земля, это поэтический, почти сказочный мир». Это верно, но лишь отчасти. Мечта Ерошенко, его грезы по прекрасному миру будущего рождались не оттого, что он переносился в страну снов, в царство вымысла, поднимаясь, как говорят в Китае, на крыши пагод, отрываясь от унылой действительности, с тем чтобы предаться забвению. Его сказки не назовешь, пользуясь выражением О. Уайльда, «красивыми небылицами». Конечно, мир сказок В. Ерошенко — это несколько особый мир, мир, рожденный его фантазией, лишенный подчас привычных для нас, зрячих, реалистических деталей, но это мир возвышенных и благородных мыслей, мир человека, хорошо познавшего и несправедливость и социальное зло.

Бегства от реальной жизни в башню из слоновой кости у него не получалось, да он и не стремился к этому. Мечта, вера в торжество человечности, свободы и социального равенства у В. Ерошенко сливается с показом язв эксплуататорского общества, зла, которое оно несет людям. Отсюда иногда тема светлого будущего сплетается с мотивами грусти и госки, порой доходящей до отчаяния, с трагическим восприятием разлада мечты с жизнью. Лу Синь верно заметил, что «поэт был слеп, но не был глух», можно добавить — сердцем.

И когда писателю становилось тяжело, когда душа разрывалась болью за измученных, голодных, смертельно больных шанхайских рикш и нищих, за бедняков богатого города, тогда он поднимал алые паруса своей фантазии и отправлялся в «Страну Радуги», мечтая о том, чтобы на борту «Корабля счастья» могло поместиться все человечество. И он верил, что скоро на земле «расцветет сад свободы», люди «придут к свободе, равенству, братству, справедливости». Именно поэтому произведения русского писателя Василия Ерошенко были так популярны в странах Востока, в империалистической Японии и полуколониальном Китае, где гнет продолжал оставаться особенно жестоким и тяжелым, где миллионы тружеников страдали под двойным яром — своих и иноземных хозяев.

* * *

Весной 1921 г. В. Ерошенко участвует в первомайской демонстрации, разогнанной полицией. Спустя несколько дней его арестовывают вместе с делегатами II съезда Социалистической лиги. Когда вскоре деятельность лиги была запрещена, В. Ерошенко вновь оказался в тюрьме. Отсюда на судне «Ходзан-мару» его отправляют как «большевистского агента» под конвоем во Владивосток. Но случилось так, что Ерошенко из рук одних врагов угодил в лапы других: во Владивостоке к тому времени власть захватили белые.

В конце концов, преодолев немало преград и трудностей, он оказался в начале осени 1921 г. в Харбине, так и не сумев пробраться в рабоче-крестьянскую Россию. О его жизни здесь известно по воспоминаниям музыкального критика Наканэ Хироси, у которого он жил. Воспоминания эти были тогда же опубликованы в «Ёмиури симбун».

Спустя несколько дней они были перепечатаны в литературном приложении к пекинской газете «Чэнь бао» в номере от 22 октября, целиком посвященном русскому писателю — гостю Китая. В этом же номере был помещен в переводе Лу Синя рассказ В. Ерошенко «Сон в весеннюю ночь». Воспоминания Наканэ Хироси были переведены тоже Лу Синем, скрывшимся под псевдонимом Фэн Шэн. Следует также, кстати, отметить, что за два дня до выхода в Пекине этого специального номера в той же газете была напечатана статья Ху Юй-чжи, знакомящая с Василием Ерошенко²⁴ (а еще несколько раньше статья эта появилась на страницах шанхайской газеты «Миньго жибао», вернее, в литературном приложении «Цзюэу»).

Но знакомство Китая с русским писателем Василием Ерошенко началось фактически еще до этого, летом 1921 г. Уже в июне Лу Синю стало известно об истории высылки слепого русского писателя из Японии. Он узнал об этом из японских газет, прочитав статью Эгути Киёси (позже он перевел ее на китайский язык). Как и многих, случай этот его возмутил и взволновал и побудил заинтересоваться творчеством В. Ерошенко. «Мне хотелось, — писал Лу Синь спустя несколько лет, — чтобы был услышан страдальческий крик гонимого, чтобы у моих соотечественников пробудились ярость и гнев против тех, кто попирает человеческое достоинство».

В июле Лу Синь перевел, а в августе опубликовал в журнале «Синь циннань» (т. 9, № 4) сказку Ерошенко «Тесная клетка».

В послесловии к сказке Лу Синь писал о высылке В. Ерошенко из Индии и Японии: «Англия и Япония — союзники, они нежны, как родные братья, кто не угоден в английских владениях, не придется, конечно, ко двору и в Японии. Но на этот раз все рекорды грубости и издевательства оказались побитыми. Несмотря ни на что, В. Ерошенко оставил японцам свою плоть и кровь — два сборника произведений: первый — «Песни предутренней зары» и второй — «Последний вздох», из которых пока что издан только первый... Его типично русская широкая натура пришла не ко двору в Японии. Вполне понятно, что его ждали хула и гонения...

Когда я закрыл его книгу, то почувствовал благодарность к человеку, который, живя в нашем мире, не утратил непосредственного, чистого сердца. «Тесная клетка» открывает сборник «Песни предутренней зары». Она написана под впечатлением индийской поездки Ерошенко, навеяна настроениями, владевшими поэтом в Индии».

Лу Синь писал, что он восхищается русским слепым мечтателем Ерошенко, восстанавливающим в этой сказке против «рабской психологии»²⁵.

Позже, в сентябре, на страницах литературного приложения к газете «Чэнь бао» появилась, также в переводе Лу Синя, сказка «На берегу». В своем послесловии к ней Лу Синь писал: «У финского писателя П. Пляваринта есть такое высказывание: жизнь человеческая, как падающая звезда, — сверкнет, привлечет внимание других людей, промчится следом, исчезнет и будет забыта всеми».

Это относится только к тем звездам, которые нами замечены, а как много звезд люди не замечают!

В мае японские власти выслали за пределы страны из соображений безопасности русского слепого и отправили его морем во Владивосток.

Это был поэт Василий Ерошенко.

Высланный из Японии поэт был глубоко оскорблен, газеты помещали возмущенные и тревожные отклики его многочисленных друзей. Но странное дело — несмотря на свою обиду, Ерошенко оставил японцам два замечательных подарка: один — книга «Песни предутренней зары», другой — тоже книга «Последний вздох». Это сборники

²⁴ По поводу того, как в Китае транскрибировали фамилию Ерошенко, Лу Синь писал в октябре 1921 г.: «Сначала я транскрибировал фамилию Ерошенко с помощью фамильного иероглифа «ай», но потом, листая газету «Миньго жибао», заметил, что там начало фамилии Ерошенко пропранскрибировано с помощью иероглифа «ай» — «любовь». Мне кажется, это правильно сделано. Я исправил соответственно свои переводы». См.: Лу Синь. Переводы. Т. 2. Пекин, 1958, стр. 531—532.

²⁵ Лу Синь. Переводы. Т. 2. Пекин, 1959, стр. 526—527.

сказок поэта. В них прекрасные чувства благородного сердца...» Лу Синь называет в своем послесловии В. Ерошенко «кристально честным мечтателем с большой душой». Он пишет: «Ерошенко промелькнул, как звезда, и, может быть, я скоро забыл бы о нем, но сегодня мне попалась его книга «Песни предутренней зары», и мне захотелось раскрыть сердце этого человека перед китайскими читателями...»²⁶. Лу Синь подчеркивал, что стремился донести до читателя «содержание и красоту оригинала». Надо отметить, что Лу Синь писал эти слова еще до того, как ему пришлось лично познакомиться с Василием Ерошенко.

Тем временем В. Ерошенко по приглашению молодого литератора и эсперантиста Ху Юй-чжи через Тяньцзинь выехал в Шанхай. Здесь он пишет «Рассказы засохшего листка», «проникнутые, — по словам литературоведа Гэ Бао-циюаня, — безграничной симпатией к китайскому народу»²⁷.

Приблизительно в этих же словах оценивала китайская критика эти рассказы и в те годы. В 1923 г. в статье «Друг угнетенных» Ху Юй-чжи писал, что Василий Ерошенко «является нашим искренним другом, любящим нас, относящимся с большой симпатией к нашему народу».

И действительно, писатель с большой симпатией и грустью рассказал о бедноте огромного китайского города, где «человек более одинок, чем среди пустынных хребтов Гималаев», о шанхайском рицке — человеке-лошади, которого каторжный труд превратил в физического и духовного калеку; о нищенке-горбунье; о девушке-китаянке, чьи ноги изуродованы варварским обычаем.

Пока В. Ерошенко жил и работал в Шанхае, у Лу Синя в это время завязалась переписка относительно него с Мао Дунем и Ху Юй-чжи. Письма эти не сохранились, но дневник Лу Синя указывает, что обмен письмами между ними, начиная с ноября, имел место²⁸. Вполне вероятно, что переписка в основном касалась вопросов перевода сказок В. Ерошенко. Это предположение, в частности, высказывает и Гэ Бао-циюань. В декабре Лу Синь и Мао Дунь снова обменялись письмами относительно перевода Лу Синем сказки В. Ерошенко «Мировой пожар», а в начале января следующего года она была опубликована в шанхайском журнале «Сяошо юэбао», который тогда редактировал Мао Дунь.

Вскоре, по рекомендации Лу Синя и его брата Чжоу Цзо-жэня²⁹, В. Ерошенко приглашают преподавать эсперант в Пекинский университет. 22 февраля 1922 г. он прибывает в Пекин.

Этот период жизни в Китае для него был отмечен большой, теплой и искренней дружбой с Лу Синем, дружбой, которая, по словам Гэ Бао-циюаня, «останется яркой страницей в истории китайско-советских литературных связей»³⁰.

* * *

Когда В. Ерошенко приехал в Китай, страна продолжала жить теми проблемами, которые выдвинуло «движение 4 мая» 1919 г. Это антиимпериалистическое и антифеодальное движение, можно сказать, сдвинуло Китай с мертвоточки, пробудило китайское общество, вывело его на новую дорогу развития. В это время усилился интерес к марксистскому учению. Трибуной, где пропагандировались марксистские взгляды, стал журнал «Синь циннянь». На его страницах началась последовательная борьба против феодальной культуры, за новую, демократическую культуру. В то же время заметно возрос интерес к мировой культуре, и прежде всего к литературе других народов, особенно к русской.

Лу Синь писал, что в то время молодежь «нашла русскую литературу» и поняла, что это ее «учитель и друг». «Русская литература, — писал Лу Синь, — раскрыла перед нами прекрасную душу угнетенного, его страдания, его борьбу»³¹.

В глазах китайских писателей В. Ерошенко стал в те годы живым представителем литературы России, где, как тогда многим в Китае казалось, в том числе и Лу Синю, все писатели — революционеры³².

В произведениях В. Ерошенко китайский читатель находил отчасти те же самые идеи и темы, что и у других русских писателей, в частности у Л. Андреева и В. Гар-

²⁶ Лу Синь. Переводы. Т. 2. Пекин, 1959, стр. 529—530.

²⁷ Гэ Бао-циюань. Лу Синь и Ерошенко. — «Гуанмин жибао», 18.X.1961.

²⁸ Лу Синь. Дневник. Т. 1. Пекин, 1959, стр. 425, 426, 433—435, 439, 446, 447.

²⁹ Чжоу Цзо-жэн — один из участников «движения 4 мая» 1919 г. В 30-е годы, в период японской агрессии в Китае, сотрудничал с оккупантами.

³⁰ «Гуанмин жибао», 18.X.1961.

³¹ Лу Синь. Собр. соч. Т. 2. М., 1955, стр. 99.

³² См.: Л. Д. Позднеева. Лу Синь. Жизнь и творчество. М., 1959, стр. 66.

шина³³. Тем более что В. Ерошенко выступал пропагандистом творчества Л. Андреева. В этом усматривали известную солидарность с его взглядами.

В сказках В. Ерошенко Лу Синь видел «прекрасные чувства благородного сердца». И не раз подчеркивал (больше из-за цензурных соображений, чтобы обеспечить публикацию произведений В. Ерошенко), что отнюдь не находят в них каких-либо опасных мыслей. В. Ерошенко — всего лишь мечтатель, убеждал Лу Синь, непосредственный и чистый. Но мечта его вполне реальная, и «если предположить, что осуществились бы идеалы Ерошенко, то люди были бы счастливы»³⁴. Ведь и сам Лу Синь тогда стремился пробудить у молодежи мечту о счастливом будущем³⁵. В этом смысле китайский писатель придавал большое значение вопросам детского и юношеского воспитания в семье и в школе. Лу Синь следил по каталогам за тем, что выходит в области детской и юношеской литературы в Китае и за рубежом, читал и переводил литературу о детях и для детей³⁶. В этом одна из побудительных причин, заставившая его обратить внимание на сказки В. Ерошенко.

В Пекине, воспользовавшись любезным предложением Лу Синя, Василий Ерошенко поселился в доме его семьи, в тихом переулке Бадаовань. Гостя поместили во флигеле, где устраивали обычно приезжих. Здесь же находился и рабочий кабинет Лу Синя. А окна комнаты В. Ерошенко располагались как раз напротив здания, где Лу Синь жил.

В. Ерошенко, с его начитанностью, знанием литературы и языков, жизни народов многих стран, умел расположить к себе, завоевать симпатию. Он быстро сблизился с китайским писателем. Лу Синю в ту пору удавалось писать урывками по вечерам. В это же время любил работать и Ерошенко. Нередко к нему приходил Лу Синь, располагался в кресле, закуривал сигарету, и часто далеко за полночь велись оживленные беседы. Круг тем был обширен — о Китае и о Японии, о японской и немецкой литературе, о произведениях Ерошенко и о многом другом. И конечно, о русской революции, в которой оба видели начало новой эры, о России, о ее литературе. Записи в дневнике китайского писателя, относящиеся к этому времени, как обычно предельно лаконичные, говорят о том, что и русский гость в свою очередь нередко заходил к Лу Синю. «Утром приходил Ерошенко», или «Вечером был Ерошенко», — записывает он в своем дневнике.

Что же сближало и объединяло реалиста Лу Синя и романиста В. Ерошенко? Чем была вызвана его симпатия к слепому литературе? И почему Лу Синь считал необходимым знакомить читателей своей страны с произведениями своего русского друга, что видел в них великий китайский писатель, к тому времени уже создавший основные свои творения?

В начале 20-х годов у Лу Синя вновь возникает интерес к русской литературе. С одной стороны, интерес этот был пробужден революционными событиями в России, с другой — подъемом демократического движения в самом Китае, наступившего после «движения 4 мая» 1919 г., ростом борьбы за новую культуру. В поисках произведений, правдиво показывающих жизнь и проникнутых пафосом ее отрицания, он обращается к русской литературе.

По словам Лу Синя, он привязался к В. Ерошенко и, как сам говорил, полюбил этого скитальца потому, что увидел, почувствовал в нем талантливую самобытную на-туру, человека с большим сердцем, чутко откликавшегося на людское горе. В то же время несомненно, что в творчестве русского писателя его привлекли лирические, полные трогательной любви к людям и животным, аллегорические сказки их слепого автора, его гуманизм, его «улыбка страдания», мечта о стране прекрасного будущего, его призыв сбросить оковы рабского подчинения сильным, переустроить жизнь. Эти настроения в известной мере были близки в тот период и самому Лу Синю, литературные симпатии к творчеству Василия Ерошенко объяснялись некоторой и его приверженностью к романтизму. У В. Ерошенко он видел близкую и для себя тенденцию служить своим творчеством задачам преобразования общественного устройства.

Китайский писатель так же, как и его русский друг, считал, например, что новое поколение, молодежь, «сильная духом», свободная, как говорил Лу Синь, от «рабской психологии», способна создать новое общество. А для этого, по его мнению, надо было обличать старый строй, феодальную и империалистическую идеологию и культуру, показывать пороки общества.

³³ Следует заметить, что эти писатели привлекли китайских литераторов и читателей обличением зла, гуманизмом и реализмом, но отнюдь не своей упаднической философией, присущей некоторым их произведениям. (См.: В. Петров. Лу Синь. Очерк жизни и творчества. М., 1960, стр. 336—337; В. Ф. Сорокин. Формирование мировоззрения Лу Синя. М., 1958, стр. 133.)

³⁴ Лу Синь. Переводы. Т. 2. Пекин, 1959, стр. 331.

³⁵ См.: В. Ф. Сорокин. Формирование мировоззрения Лу Синя. М., 1958, стр. 133—134.

³⁶ См.: Л. Д. Позднеева. Лу Синь. Жизнь и творчество. М., 1959, стр. 528.

Эти мотивы он находил в творчестве русского писателя Василия Ерошенко, демократического и гуманистического в своей основе. Не случайно он выбрал для перевода среди прочих такие прежде всего его сказки, как «Тесная клетка», «Сердце орла», «Мудрец-Время». Они наиболее отвечали этим требованиям и были, как он, вероятно, полагал, в то время полезны для Китая. Лу Синь надеялся, что сказки В. Ерошенко помогут пробудить сознание народа, напомнят ему о страданиях и бесправном положении, тем самым усилив ненависть к миру зла и насилия. Вместе с тем нет сомнения, что Лу Синь прекрасно видел слабые стороны творчества В. Ерошенко — отвлеченностей образов, известную дидактичность его сказок на социальные темы, некоторую их наивность.

Следует отметить, что китайские критики, а также зарубежные, в частности чехословакские, как и советские исследователи творчества китайского писателя, видят известное влияние Ерошенко на Лу Синя в его новеллах «Кролики и кошка» и «Утиная комедия», отмечая, однако, что влияние это носит внешний характер. При этом они подчеркивают различие в идеино-творческих позициях Лу Синя и В. Ерошенко, считая, например, как пишет Б. Кребсова, что у Лу Синя «любовь к страдающим неотделима от ненависти к угнетателям, причем оба эти чувства никогда не смешиваются в его сердце»³⁷. В то время, мол, у В. Ерошенко общество, которое разрушает мир красивых грез, «не вызывало ненависти». Безусловно, идеино-творческие позиции двух писателей были далеко не идентичны. Гуманизм Лу Синя отличался гораздо большей активностью. Для реалиста Лу Синя чуждо было смешение любви и ненависти, как и настроения тоски, безверия.

Но и Василий Ерошенко, несмотря на известные противоречия своих взглядов, объективно часто выступал «разрушителем словом», мечтая о мире социальной гармонии и счастья, был полон ненависти к мерзостям и злу жизни, стремился осуждать пассивность, хотя ему подчас и трудно было преодолеть настроения одиночества и тоски, он сильно переживал за слабых людей, вынужденных страдать под гнетом сильных. В связи с этим интересно, что Гэ Бао-цюань в своей статье о Лу Сине и Ерошенко считает, что последний «своими произведениями с отчетливо различимыми любовью и ненавистью звал людей на борьбу за свободу».

* * *

В Китае, пробудившемся к борьбе, В. Ерошенко, как и в Японии, принимает участие в общественной жизни, стремится и здесь жить в ногу со временем. Как говорит Гэ Бао-цюань, и в Китае он оставил о себе глубокую память в среде передовой китайской молодежи и интеллигенции того времени. Став преподавателем Пекинского университета, он как бы попал в эпицентр культурной жизни тогдашнего Китая.

В то время здесь, на литературном факультете, преподавали Лу Синь и его брат Чжоу Цзо-жэнь. Вместе с ними часто появлялся и В. Ерошенко. Обычно свои лекции он читал в большой аудитории, оформленной в китайском стиле. В. Ерошенко сидел перед слушателями, одетый в русскую косоворотку, и водил пальцами по бумаге, вспоминал Чжоу Цзо-жэня, который находился рядом и переводил лекцию с эксперанто на китайский язык. Свои выступления В. Ерошенко посвящал русской литературе. Двести юношей и девушек усердно записывали слова слепого писателя, стремившегося прежде всего привлечь их внимание, как отмечает Такасуги Итиро, к темам борьбы за свободу³⁸. Однако то, что приходилось прибегать к посреднику-переводчику, отгружало лектора от студентов. Иное дело было в Японии — ему казалось, что там его понимали лучше.

Тем не менее он тянулся к молодежи. Его влекло на сходки и вечера студентов, где он охотно выступал, пел песни под аккомпанемент своей шестиструнной гитары о Степане Разине и другие. Однажды, первого мая 1922 г., на собрании в одном из учебных заведений Ерошенко запел Интернационал. В другой раз его видят в рядах фракийского шествия пекинских студентов в день нового 1923 г.

Что касается песни о Степане Разине, то она многим нравилась в Китае, но не все понимали ее смысл. Тогда Лу Синь, переговорив с Ерошенко, специально пересказал ее содержание и опубликовал, как и многие свои переводы из Ерошенко, в газете «Чэнъя бао»³⁹.

В этой же газете появилась и статья В. Ерошенко о новом китайском театре. Называлась она «Заметки о спектаклях студентов Пекинского университета и учащихся женского колледжа «Яоцзин». Опубликованная 6 января 1923 г., статья эта вызвала яростную полемику. Это делает дискуссию для нас особенно примечательной, вместе с тем она является как бы еще одним штрихом, дополняющим картину тогдашней культурной жизни Китая.

³⁷ См.: В. Кребсова. Lu Sün. Sa vie et son œuvre. Prague, 1953, p. 87.

³⁸ В. Ерошенко. Полн. собр. соч. Т. 3. Токио, 1959, стр. 198—199.

³⁹ См.: Лу Синь. Переводы. Т. 10, Пекин, 1959, стр. 779.

В. Ерошенко всегда был заядлым театралом, и в России, и в Японии. Оставался верным своему увлечению он и в Китае. Но спектакли традиционного китайского театра он не посещал. Здесь было слишком много чужого — от репертуара до приемов игры. Вообще эстетика этого великого искусства осталась непонятной В. Ерошенко. От него, как, впрочем, и от многих европейцев, этот театр был отгорожен стеной из вопросительных и восклицательных знаков.

Зато новый драматический театр, только нарождающийся в Китае, — театр, как его называют, «разговорной драмы» он посещал с удовольствием. Правда стационарных трупп этого театра еще не было. Его немногочисленным энтузиастам приходилось искать поддержку среди передовой, главным образом студенческой, молодежи. Борясь с низким тогдашним культурным уровнем большинства профессиональных актеров традиционного театра, с торгашеским духом, господствовавшим в нем в те годы, организаторы нового драматического театра стремились создавать труппы из любителей, преимущественно из учащейся молодежи.

Театральные кружки возникают прежде всего в университетах, в том числе и в Пекинском.

На представлениях студентов этого университета часто бывал В. Ерошенко. Как-то раз он попал на спектакль, поставленный по случаю годовщины со дня основания этого учебного заведения. В тот день показывали «Власть тьмы». Игра студентов-любителей глубоко огорчила В. Ерошенко. В их спектакле он увидел одно лишь желание подражать старому, традиционному театру, актерам-профессионалам. В. Ерошенко же работал за привычную для него игру актеров, за ту атмосферу на сцене, без которой немыслимо, как он считал, театральное представление.

В своей опубликованной в «Чэнь бао» статье, несколько резкой по форме, он выступал против рутины, против традиций, которые олицетворяли косность. Призывал отвергнуть обычай, противоречащие разуму и унижающие достоинство. Отречься от них, идти вперед, создавать новое театральное искусство, считал В. Ерошенко, — задача, которую под силу осуществить только молодежи.

Насколько игра студентов Пекинского университета его разочаровала, настолько привел в восторг спектакль, поставленный совместными силами учащихся женского колледжа «Яоцзин» и студентками медицинского училища.

Постановка пьесы Шекспира «Много шума из ничего» вылилась в яркое театральное зрелище. Отличительной его особенностью стала подлинно театральная атмосфера, темпераментная, осмысленная игра юных артисток, естественных и простых на сцене. Особо рецензент отметил прекрасную органную музыку, под аккомпанемент которой шел спектакль.

На следующий день после появления в «Чэнь бао» статьи В. Ерошенко на нее появился ответ одного из студентов Пекинского университета, в будущем известного филолога Вэй Цзянь-гуна. Свой ответ он назвал «Не будем слепо следовать». В нем автор в оскорбительной форме обвинил В. Ерошенко в непонимании китайского искусства.

Встав в позу обиженного, Вэй Цзянь-гун упрямо повторял, что Ерошенко, мол, не имел права судить об искусстве самодеятельных актеров Пекинского университета, поскольку он-де слепой. Таков был главный довод Вэй Цзянь-гуна. В появившихся вскоре откликах на статью В. Ерошенко и Вэй Цзянь-гуна большинство авторов, выступивших в той же газете, упрекали Вэй Цзянь-гуна в нетактичном поступке по отношению к В. Ерошенко.

Полемика, развернувшаяся в «Чэнь бао», заставила высказаться и Лу Синя⁴⁰. Он и его соратники считали, что надо прислушиваться к мнению зарубежных критиков, соглашаясь с ними или нет, но нельзя, поддаваясь националистическим настроениям, превращать литературную полемику в грубые и оскорбительные выпады, в качестве аргумента в данном случае ссылаясь на физический недостаток В. Ерошенко. Лу Синь считал статью Вэй Цзянь-гуна издевательской, а также фальсификаторской, поскольку ее автор пытался присписать ему, Лу Синю, высказывания о Ерошенко, каких он никогда не произносил.

Что касается русского писателя В. Ерошенко, то Лу Синь отзывался о нем в этой своей статье как о человеке, всецело преданном искусству, однако именно поэтому высказывающего свои взгляды несколько прямошлифовано, руководствуясь при этом исключительно благими намерениями, стремлением сделать добре дело. Его позиция объясняется желанием помочь, а не льстить из чувства вежливости. Впрочем, Лу Синь отчетливо сознавал, что «статья В. Ерошенко не только не будет должным образом воспринята в Китае, но и может вызвать недоброжелательное отношение, в особенности у актеров, о которых в ней идет речь»⁴¹.

После Лу Синя с осуждением Вэй Цзянь-гуна выступили и другие авторы. Подвел итог дискуссии Чжоу Цзо-жэнь. Вслед за братом он писал: «Когда я прочитал статью

⁴⁰ Лу Синь. Несколько заявлений по поводу статьи г-на Вэй Цзянь-гуна «Не будем слепо следовать». — Полн. собр. соч. Т. 7. Пекин, 1958, стр. 309—311.

⁴¹ Там же, стр. 310.

«Не будем слепо следовать» Вэй Цзянь-гана, на душе остался неприятный осадок, потому что позиция автора этой статьи, право же, нехороша. Господин Ерошенко лишен зрения, об этом знают все. Как бы он ни был неправ, возражать нужно по существу, но совершенно ни к чему возражения связывать с его увечьем. Я не могу с уверенностью утверждать, что в самом обозначении темы — «не будем слепо следовать» — уже заложен грубый намек. Однако закавыченный во многих местах статьи иероглиф «кань» («смотреть») убедительно доказывает, что автор с издевкой говорит именно о слепоте Ерошенко. Мне не хотелось бы из-за этого касаться личных достоинств автора статьи, однако я могу заявить, что «литературные достоинства» в этой статье отсутствуют целиком и полностью...»⁴².

Борьба за новую китайскую культуру выдвинула и такую проблему, как расширение круга читателей. Это означало, прежде всего, реформу литературного языка. Пи-рвеженцы национальной «исключительности» ратовали за сохранение древнего языка вэньянья, выступали против нового литературного языка на байхуа, то есть, по существу, восставали против того, чтобы облегчить приобщение масс к духовным ценностям.

Реакционеров, поборников патриархальной старины приводили в ярость предложение и об усовершенствовании китайской письменности. Они протестовали не только против разработки проектов «романизации», то есть латинизированного алфавита для китайского языка, но даже введение знаков препинания было воспринято ими как национальная катастрофа.

На страницах газет и журналов шла по этому поводу ожесточенная полемика. Одним из тех, кто упорно и последовательно защищал новый литературный язык, был Лу Синь, а также другие прогрессивные литераторы. Проблему национального языка в Китае пытались решить и учёные-филологи. Все чаще раздавались голоса о том, что создание массовой литературы на новом литературном языке потребует и новые средства письменного выражения — алфавит. Ведь при иероглифах, как писал Лу Синь, отчетливо сознавший их архаичность, огромное большинство китайцев остается неграмотным⁴³.

По этому поводу выступали в печати и видные лингвисты. Из статьи одного из них — Ли Цзинь-си — известно, что в дискуссии принял участие и В. Ерошенко.

Как пишет Ли Цзинь-си, однажды он стал свидетелем выступления слепого русского поэта в Женском педагогическом институте. «Миссия интеллектуалов» — так определил тему своего выступления В. Ерошенко.

«Почему в стране с 400-миллионным населением лишь незначительное меньшинство любит литературу? — спрашивал Ерошенко. — Это удручающее обстоятельство легко объяснимо. Люди физического труда не имеют свободного времени для учебы. Тем более у них нет времени на то, чтобы тратить бесполезные усилия на изучение сложной иероглифической письменности... Во всем мире нет другой такой национальной литературы, какой, к несчастью, является китайская, которая была бы полностью отделена от народных масс.

Сегодня нельзя сказать, что простые рабочие не испытывают интереса к литературе, — возможно, они ею как раз очень интересуются; но если они не любят ее, то исключительно потому, что целый день вынуждены работать и у них нет времени и надежды на то, чтобы преодолеть трудности, связанные с иероглифическим письмом.

Из-за того, что в Китае, — продолжал В. Ерошенко, — существует преграда в виде подобной письменности, ваша интелигенция отделена не только от простого люда Европы и Америки, но и от вашего собственного народа.

Преграда эта прочнее древней Великой китайской стены и таит в себе значительно большую опасность, нежели феодальная дикость»⁴⁴.

Выступление русского писателя по поводу реформы письменности запомнилось тогда в Китае многим. На него ссылаются в своих позднейших работах языковеды Ду Цзы-цзин, Е Лай-ши, каждый из которых приводит ту же цитату из выступления В. Ерошенко.

Упоминает о В. Ерошенко и такой крупнейший лингвист, как Ло Чан-пэй. В своей работе, опубликованной в 1934 г., он вспоминал: «В то время, как у нас шел спор о судьбе китайской письменности, русский слепой поэт Ерошенко и американский деятель просвещения доктор Монро в равной мере обратили внимание на проблему усовершенствования китайской письменности».

Китайские лингвисты не во всем разделяли точку зрения В. Ерошенко, они подчеркивали, что не должны механически следовать его рекомендациям, «но то, что говорят В. Ерошенко и П. Монро, несомненно, представляет интерес», — писал Ли Цзинь-си в своей статье. Учтивый китайский профессор благодарили двух иностранцев за то,

⁴² Лу Синь. Полн. собр. соч. Т. 7. Пекин, 1958, стр. 318.

⁴³ См.: Лу Синь. Собр. соч. Т. 2. М., 1955, стр. 368.

⁴⁴ «Гоюй юэкань». Т. 1, № 4, май 1922 г. Цит. по кн.: «Исторические взгляды на китайскую иероглифику и революция в ее развитии». Сост. Ли Чжун-хао. Бэйпин, 1931, стр. 590. Издание Комитета содействия романизации гоюя.

что они «со всей искренностью предупредили об опасности того, что Китай останется с иероглификой».

Так В. Ерошенко, можно сказать, стал одним из первых русских, кто высказался о необходимости реформы китайской письменности. В этом его взгляды совпадали с мнением Лу Синя, который на протяжении многих лет боролся за то, чтобы трудящиеся могли легко овладевать грамотностью. «Для трудящихся Китая иероглифы, — писал Лу Синь в начале 30-х годов — периода, когда вновь остро встал вопрос о реформе, — очаг болезни, в котором содержатся микробы, и, если его не ликвидировать своевременно, он приведет к гибели»⁴⁵.

* * *

По сравнению с Токио, жизнь Ерошенко в Пекине была спокойней. Часто в компании с кем-нибудь он отправлялся в долгие прогулки за город, бродил по улицам. Он полюбил этот город простых и скромных тружеников, его тихие переулки, уединенные дворы, хотя часто и жаловался, что тишина здесь такая, словно в пустыне.

В доме семьи Лу Синя, где, кроме него самого, жили его братья с семьями, с приездом русского немного странного слепого поэта и мечтателя установилась особая теплая атмосфера. В солнечном садике, выложенном каменными плитами, с бассейном, то и дело слышались голоса и смех. Особенно русский писатель подружился с ребятишками — детьми братьев Лу Синя. Они бойко болтали с Ерошенко по-японски. В своей новелле «Утиная комедия», немного грустной, проникнутой печалью разлуки с другом, Лу Синь рассказал как раз о тех днях жизни В. Ерошенко в Пекине, о том, что тот уехал в Хельсинки на международный конгресс эксперантистов и Лу Синь не знал, вернется ли его друг. Но неожиданно для всех Ерошенко после четырех месяцев отсутствия вновь приехал в Пекин. Во время зимних каникул 1923 г. совершил поездку по стране. А вскоре, весной, как только представилась возможность уехать в Советскую Россию, он решил трогаться в путь.

Накануне отъезда В. Ерошенко на родину, 15 апреля 1923 г., Лу Синь оставил в дневнике запись о том, что вместе с В. Ерошенко и другими, всего было восемь человек, он провел вечер в ресторане. Видимо, эта последняя встреча была посвящена проводам русского друга. А на другой день, вечером, Лу Синь в дневнике скромно отметил: «Ерошенко уехал на родину»⁴⁶. Но на этом не кончается записи Лу Синя о Ерошенко. Еще довольно долгое время после того, как он уехал в Советскую Россию, в дневнике можно найти упоминания о нем. Обычно записи эти связаны с публикацией его произведений, переведенных Лу Синем, в частности пьесы «Розовое облачко». Имя русского писателя встречается и в некоторых статьях Лу Синя, относящихся к 1933 г. и даже более позднему времени — к 1935 г. Кстати, книги Ерошенко переиздавались в Китае неоднократно в различное время. Последнее, например, издание его пьесы вышло в 1934 г., то есть почти 12 лет спустя после того, как автор покинул Китай.

Так закончилась дружба китайского писателя и русского самородка, человека чуткой души и большого сердца. Любовь к людям была чертой его характера, можно сказать, зерном его особого своеобразного таланта. О таких людях А. Чехов говорил, что у них «талант человеческий». Поэтому имя В. Ерошенко стало таким популярным в Японии и Китае в начале 20-х годов, благодаря этому драгоценному качеству он сблизился с многими японскими писателями-гуманистами, стал близким другом великого Лу Синя.

⁴⁵ Лу Синь. Собр. соч. Т. 2. М., 1955, стр. 367.

⁴⁶ Лу Синь. Дневник. Т. 1. Пекин, 1959, стр. 446.